

ИСТОРИЯ

ВОЙНА: ГЕРОИ ВР

22 июня 1941 года. Удивительно теплый, безоблачный, солнечный день. Мир и покой разлиты везде. И вдруг страшное слово – война.

Объявление по радио о том, что началась война, застало меня в садике (напротив библиотеки) института: я готовилась к последнему экзамену. Кажется, что это какая-то ошибка или временное явление. Война шла где-то там, далеко, и до нас она не дойдет. Но дошла она через неделю: после последнего экзамена (по современному русскому языку доценту Н.П. Кононыкину, моему любимому преподавателю) в конце июня студенты, аспиранты и преподаватели института были мобилизованы на строительство оборонных укреплений: вначале под Лугу, потом – на другие направления.

Ранним утром наш поезд прибыл на станцию Дно. Перед вагоном, из которого я выходила, была огромная воронка от бомбы, и в ней лежала убитая корова. Станцию бомбили ночью. Это была первая реальная встреча с реальной войной.

Все дальнейшее было как в кошмарном сне. Помнится только главное – мы копали, рыли противотанковые траншеи, рвы и окопы. Было очень жарко. И голодно. Хорошо помню работавшего рядом со мной профессора Александра Александровича Стрелкова, заведующего кафедрой зоологии: немолодой, седой профессор, доктор биологических наук, он трудился наряду с нами, молодыми.

Самое ужасное в этом было то, что нередко, когда заканчивалась работа

(траншея, ров...), появлялись какие-то начальники и объявляли работу ненужной! И вроде надо было все переделывать (зарывать?!).

Вскоре мы увидели огромное зарево на горизонте – горел Псков. Теперь мы уже не только видели бомбежки, но и сами неоднократно им подвергались. И так весь июль продолжали работу, сменяя только ее место.

Непосредственным руководителем всего отряда была аспирантка Оксана Радина (если не ошибаюсь). В конце июля приказано было сворачивать работы и, как потом стало ясно, идти в Ленинград. Шли больше ночами, часто после каких-то отступающих воинских частей. Не помню, сколько мы шли, везли ли нас каким-то образом. Но в конце июля мы были в городе (я и группа однокурсников в общежитии № 6). Здесь я услышала, что 1 августа был сдан Смоленск.

Как и другие студентки, я решила идти работать на оборонные предприятия. Но по приказу Федора Федоровича Головачева, директора института, все, кто получал стипендию и проживал в общежитиях, были мобилизо-

ваны в создающиеся местные противоздушные команды (МПВО). Они должны были обслуживать как институт, так и эвакогоспиталь действующей армии 1014, расположенной с 10 сентября 1941 года в переоборудованных учебных корпусах института. Я была мобилизована в команду связи.

Мы, члены МПВО, – Рита Вадомская (Мариуполь), Женя Брюханова, Галя Глушкова, Лена Шилина (Красноярск) – считались мобилизованными и жили в одной комнате 9-го общежития (рядом с помещением команды связи).

Команда связи располагалась в подвальном помещении бывшего клуба. Это были две комнаты, в одной из которых (большей) находился коммутатор: отсюда осуществлялась связь с другими командами и городом. В другой небольшой комнате была установлена печурка, здесь жили несколько человек. В команде связи были и преподаватели, и лаборанты. Руководил командой связи заместитель начальника штаба МПВО института Виктор Васильевич Андроников – высокий, худощавый, всегда приветливый и улыб-

МЕНИ

И АРТЮР
А СТОРОНА
БОЛЕЕ ПРА

Из воспоминаний Анастасии Ильиничны ИВАНОВОЙ:

В 1940 году я поступила на 1-й курс факультета русского языка и литературы Педагогического института им. А.И. Герцена. С этого времени и до конца 1948 года вся моя жизнь была связана с институтом. О некоторых событиях того времени я хочу рассказать по сохранившимся на сегодня воспоминаниям.

Из довоенного времени отмечу только следующее: наличие на курсе молодых людей, вернувшихся калеками с финской кампании (на костылях, потерявших зрение).

Постановление Правительства (ноябрь 1940 г.) о плате за обучение (400 рублей за год) и о стипендиях: стипендия назначалась только при наличии отличных (3/4) и хороших (1/4) оценок из надлежащих экзаменов.

Постановление, естественно, вызвало бурю возмущения и протестов, результатом чего были не единичные исключения из комсомола и института.

И все-таки студенческая жизнь, хоть и напряженная, оставалась веселой: по выходным дням – походы в театр, кино, на танцы, в лекторий.

чивый человек. Начальником штаба МПВО был Авенир Дмитриевич Смирнов – плотный, невысокого роста, всегда озабоченный, – он часто навещал нашу команду.

После короткой подготовки мы, связисты, установили телефонную связь в помещениях эвакуогоспиталя, в части институтских зданий, соединив их со штабом МПВО и с вышкой, находившейся на крыше клуба. Все это проводилось в августе – начале сентября, когда город уже подвергался многочисленным бомбежкам и артобстрелам.

По определенному расписанию мы дежурили на вышке или на территории института, или в помещении команды связи.

Самым тяжелым было дежурство на вышке: было холодно и страшно, что она (вышка) упадет: так сильно она раскачивалась при бомбежках. По телефону сообщали, где идет бомбежка, где сброшены зажигательные бомбы, где подаются подозрительные сигналы (особенно по ночам). Часто я не успевала спуститься с вышки до того, как начиналась очередная волна налета и

бомбардировок – нередко их было более десяти в сутки.

Нелегче были и дежурства на территории института и госпиталя, когда одна тревога и бомбежка следовали за другой почти без перерыва. И негде было укрыться.

В одну из таких интенсивных бомбардировок я дежурила у ворот входа в институт с улицы Плеханова, когда была сброшена бомба в кафе на углу Невского и канала Грибоедова (сейчас там вход в метро). Не могу описать эту картину, когда над моей головой скрестились разрывы зениток, сливаясь с гулом самолетов, – горячая красная волна подняла меня и бросила на асфальт. Когда я очнулась, все было затянато дымом, пахло гарью. А я отправилась в штаб с докладом.

Где брались силы, когда в Ленинграде началось самое страшное – голод. "В мире есть царь, этот царь беспощаден: голод – названье ему" (Н. Некрасов).

Когда начиналась война, население стало закупать продукты. Конечно, и мы (студенты-бойцы) тоже: купили что-то вроде килограмма крупы,

сахара, 200–300 граммов масла и пр. (на большее не было денег). Но вскоре по радио стали убеждать всех, что в городе продовольствия достаточно и не надо делать заготовки. Мы свои "заготовки" отдали техническим работникам. Но когда 9 сентября сгорели Бадаевские склады (в слоистом жирном дыму сгорали не только мука, крупа, сахар и другие запасы продуктов – это сгорали души тысяч будущих жертв блокадного Ленинграда), положение резко изменилось. Вначале еще можно было вкупить столовой без карточек какие-то хвосты, а потом – все только по карточкам и все меньше и меньше. В ноябре дважды снижалась норма хлебного пайка. А с 20 ноября мы стали получать по 125 граммов так называемого хлеба. В столовой вырезали талоны на крупу и масло за дрожжевой суп.

Есть хотелось всегда, везде. Начались смерти. На моих глазах умер один из членов нашей команды: это был немолодой (для моего тогда возраста) мужчина. Было это, видимо, в декабре. Мы находились во второй комнате и с завистью смотрели, как он опускает в

кружку ложку за ложкой и подносит ее ко рту. Но вдруг ложка выпала из его рук и он упал. Оказалось, что в кружке — ничего не было: она была пустой.

В коридоре нашего общежития сидел у неработающего титана сторож (дежурный?): вначале мы думали, что

он спит, потом поняли — умер.

Трупы были везде: в домах, подъездах, на улицах...

Нас, молодых, спасала наша молодость. И не менее важное чувство долга: ответственность за выполнение своих обязанностей. Во время дежурств на вышке, на территории объекта, кажется, забывалось чувство голода. А вот на дежурстве в штабе команды у меня появлялись голодные галлюцинации. Передо мной появлялся хлеб, хлеб, хлеб, ломти черного, белого хлеба. Они исчезали, когда я хотела взять их. А чувство голода возникло с новой силой.

Самое тяжелое время — конец 41 — начало 42 года: мы три дня не получали заветные, уже увеличенные нормы хлеба. Три дня по очереди, сменяя друг друга и валенки, ходили в магазин в ожидании привоза хлеба (из-за отсутствия воды остановился хлебозавод). Бомбежек в это время не было (или почти не было?), а обстрелы — неизвестно, где их ждать: не видно, не слышно (как самолет!) — и вдруг...

Дежурства в команде стали неэффективны, и в феврале 1942 года мне разрешили совмещать работу в команде связи с работой в ЭГ 1014 действующей армии: я работала санитаркой в калитном отделении до эвакуации института.

В 1942 году уже была увеличена норма хлебного пайка, стали оказывать дополнительные услуги. Так, нам, членам МПВО, дали по брикету столлярного клея: мы плавил его и ели. Работал стационарный пункт для больных и ослабевших.

И все-таки в сентябре 1941 года в институте начались занятия. Они про-

водились в перерывах между бомбежками и, следовательно, в свободное от дежурств в командах МПВО. Остановлюсь на нескольких особенно ярких эпизодах, связанных с занятиями.

Видимо, еще в начале сентября в нашу аудиторию (это была небольшая

По приказу **Федора Федоровича Головачева**, директора института, все, кто получал стипендию и проживал в общежитиях, были мобилизованы в создающиеся местные противовоздушные команды (МПВО).

комната, и слушателей в ней было еще меньше) вошел заместитель декана факультета Борис Модестович Боровский с молодой красивой женщиной в строгом черном платье. "Надежда Павловна Гринкова, — представил ее декан, — профессор, доктор филологических наук. — первая из женщин, защитившая докторскую диссертацию по русской филологии".

Надежда Павловна прочитала нам несколько лекций по диалектологии и была эвакуирована вместе с другими научными работниками института и города.

В команде связи были и преподаватели, и лаборанты.

Руководил командой связи заместитель начальника штаба МПВО института **Виктор Васильевич Андроников** — высокий, худощавый, всегда приветливый и улыбающийся человек.

Второй эпизод. Уже очень холодно и очень голодно (ноябрь). Другая небольшая холодная комната. Занятия по старославянскому языку ведет доцент Любовь Васильевна Матвеева-Исаева. Объяснив материал, она спрашивает, понятно ли это нам? А мы ничего не поняли. И Любовь Васильевна многократно повторяет и объясняет одно

и то же, добиваясь, чтобы и на голодные желудки мы усвоили премудрости нашего древнего языка.

И еще. Лекции по фольклору читает профессор Николай Петрович Андреев. Лютые холода (декабрь). Профессор приходит весь закутанный, повязанный какими-то шальями, и говорит: "Голова бежит, а ноги не идут". Вскоре он не пришел — умер.

Умирала везде: в команде связи, в общежитии, в магазинах, на улицах.

И серое холодное небо сливалось с такими же улицами и серыми лицами людей.

Сессия в январе не состоялась: не было сил ни у преподавателей, ни у оставшихся студентов. После экзаменов в феврале я ушла работать в эвакогоспиталь.

Работала я санитаркой в калитном отделении (бывший 6-й корпус института). Первое, что я увидела — это штабеля высохших скелетов от пола до потолка. Это были умершие от истощения раненые. Немного лучшими были и живые: истощенные, изможденные, голодные. Но живые — и они интере-

совались всем, что происходило на фронте, в стране, в мире.

С конца февраля начали говорить о подготовке института к эвакуации, но началась она только в марте. Я получила эвакоудостоверение, выписанное 18 марта 1942 года. Однако в путь институт отправился позже, в начале апреля, последними эшелонами перед

вскрытием Ладоги – “дороги жизни”. Как помнится, ехали ночью в каком-то очень холодном фургоне (автобусе?) и было очень страшно: боялись провалиться под лед, боялись бомбежек и обстрелов.

Нам повезло, и мы благополучно прибыли в намеченный эвакупункт, где нам дали большой хлебный паек и еще что-то из продуктов. Нас предупредили о необходимости соблюдать в еде осторожность: голодные желудки могли не справиться с необычной нагрузкой. Говорили, что есть смертельные случаи. Одна из наших студенток литфака потеряла рассудок и была отправлена на лечение.

Весь долгий путь (что-то около месяца, если не больше) этого путешествия запомнился как тяжелый кошмарный давний сон. Ехали в товарных вагонах... На остановках выходили что-либо менять на продукты. Где-то около Сталинг-

рада я вышла обменять платок, купленный в подарок для матери. Женщина, имевшая со мной дело, спросила, сколько мне лет. “А как вы считаете?”

Лекции по фольклору читает профессор **Николай Петрович Андреев**. Лютые холода. Профессор приходит весь закутанный, повязанный какими-то шальями, и говорит: “Голова бежит, а ноги не идут”.

Больше всего меня поразила молодая цветущая женщина, выгрузившаяся с нами (потом, в Кыштыме, она работала в продуктовом магазине): как она

могла такой быть???

Кто-то нас расселял по квартирам жителей, определял на работу. Часть студентов была отправлена в местные совхозы. Я оказалась у хозяйки, работавшей на хлебозаводе станции “Минутка”, и меня оформили упаковщицей сухарей на этот завод. Это была тяжелая работа: большие вагонетки с хлебом вручную загружали в печи и вытаскивали оттуда – было трудно и жарко.

А город обеспечил нас питанием в специальной столовой. Но и после обеда мы (студенты) шли в поисках съестного и, прежде всего, – хлеба. Местные жители говорили, что все ленинградки “беременные”, – такие большие были у нас животы.

Так прошел и июнь, и июль.

А сводки с военных действий становились все тревожнее...

В начале августа было объявлено (руководством института) об эвакуа-

“**Надежда Павловна Гринкова**, – представил ее декан, – профессор, доктор филологических наук – первая из женщин, защитившая докторскую диссертацию по русской филологии”.

– спросила я. “Лет 45-50”, – ответила она. Мне был 21 год. Вот так выглядела блокадная молодежь.

В мае мы прибыли в Кисловодск.

ци из Кисловодска: всем, кто может и кто хочет. В августа “все, кто мог и кто хотел”, погрузились в специально выделенный для института поезд. В Минеральных Водах поезд остановился: высадился немецкий десант. Запомнилось очень бледное лицо нашего замдекана Марии Петровны Крамаренко, сидевшей недалеко от меня. Через какое-то время наш поезд тронулся в направлении Грозный – Махачкала. Не доезжая до станции Георгиевск, всем приказано (кем?) было выгружаться и добираться до Махачкалы самостоятельно. Железнодорожные пути были разбиты очередной бомбежкой.

Местом встречи (сбора) был определен пединститут в г. Махачкале.

В вагонах и вокруг было оставлено все, что нельзя было унести на себе. И брали главным образом продукты питания: голод еще никто не забыл (из тех, кто его знал).

Какое-то время все шли пешком, влившись в огромную массу беженцев. Это были преимущественно женщины

с детьми, дети, старые люди. Было очень жарко, нещадно палило солнце. Врезалось в память: профессор В.Н. Бернадский с женой и тремя детьми (5–10 лет), у которых за спиной рюкзачки с продуктами...

Каким-то образом я оказалась вдвоем с однокурсницей Леной Шилиной (из Красноярска) и вместе с ней пробиралась пешком, на каких-то машинах и даже на бронепоезде (после Георгиевска). И добрались с Леной до намеченного пункта встречи. Здесь, во дворе пединститута в Махачкале, уже были многие наши герценовцы. Замечу, что наш институт стал ядром, вокруг которого объединились другие ленинградские вузы (институт Покровского, иностранных языков...).

Город был переполнен беженцами, ожидающими переправы через Каспийское море в Красново́дск. 7–10 су-

здание педучилища: спали на полу, на своих рюкзаках и на извлеченных из них вещах (пальто, платье). Здесь нас ожидало новое испытание – холод. Говорить о теплых вещах, обуви не приходится: все было оставлено в Кисловодске и под Георгиевском. Конечно же, мы были и голодны: 400 граммов хлеба и все остальное – по карточкам в столовой (как в Ленинграде). Надо отдать должное местным властям: они обеспечили нас карточками, устроили на работу. Преподавателям предоставили жи-

Только благодаря профессору **Сергею Леонидовичу Рубинштейну**, лауреату Сталинской премии, который отказался эвакуироваться без всего коллектива института, все были переправлены через море в Красново́дск.

ток мы прожили во дворе. И только благодаря профессору Сергею Леонидовичу Рубинштейну, лауреату Сталинской премии, который отказался эвакуироваться без всего коллектива института, все были переправлены через море.

Там мы расположились на свободных местах тротуаров в ожидании дальнейшего маршрута. Спустя неделю–полторы нас посадили в поезд, который довез нас до Ташкента. Здесь все остались, как в Красново́дске, на свежем воздухе – в городском саду (или парке?). Спали на принесенных рюкзаках; питанием обеспечивали эвакупункты.

Говорили, что руководство института хотело, чтобы институт остался здесь, в Ташкенте, в теплых краях. Но через 1–2 недели нас снова посадили в поезд и, вероятно, в середине–конце сентября 1942 года весь коллектив института оказался на Урале, в небольшом городке Кыштым Челябинской области. Местом обитания стало

лье, студентам – общежитие. Нам выдали валенки, фуфайки. А это было непросто в те тяжелые годы.

И главное – институт начал работать: начались занятия! Они проводились во вторую смену – с 17 до 23 часов, поскольку все студенты в первую смену работали. Стали приезжать пре-

Осталось в памяти: профессор **В.Н. Бернадский** с женой и тремя детьми (5–10 лет), у которых за спиной рюкзачки с продуктами.

подаватели и профессора института, эвакуированные раньше: профессор Н.П. Гринкова, профессор Е.Я. Голант, профессор А.Л. Григорьев, директор института доцент Ф.Ф. Головачев, на-

чальник спецчасти (игравший тогда важнейшую роль) А.П. Шурыгина возглавляли институт и в период эвакуации, и работы на Урале.

Занятия проходили в здании педучилища и нередко на дому у преподавателей. Не было литературы: мы, студенты, в основном пользо-

вались записями лекций.

В наш институт переводились сту-

денты, обучающиеся в Свердловске и Челябинске. И все-таки количество студентов было невелико. Так, на литфаке (2–3 курс) было 6 человек (из них 3 герценовца). Занятия начались с 4–

Окончилась Великая отечественная война. 9 мая 1945 года – праздничный митинг в институте. В общежитиях – двери открыты. Люди в военной форме – моряки, солдаты, офицеры – сменяют друг друга. Объятия, поцелуи, слезы...

го семестра. (За 3-й семестр экзамены прошли в феврале 1942 года в Ленинграде).

Тяжело было и профессорско-преподавательскому составу. Все они были с семьями, испытывали нехватку одежды и, конечно, питания. В магазине, который обслуживал коллектив института (кстати, там работала та краснощекая женщина, которая поразила меня в Кисловодске), всегда были очереди, продукты привозили с большой задержкой, и не все, что требовалось.

Чувствовался дефицит специальной литературы. Хорошо помню, как профессор Алексей Львович Григорьев читал лекции по зарубежной литературе с закрытыми глазами, необычно напряженный (все по памяти!). А мы ловили каждое слово, замечание, реплику...

Кажется, нам, молодежи, студентам было легче. Многие из нас стали донорами (и я в их числе): некоторым стали помогать родители, кто-то подрабатывал. Тяжело было всем. Но главным для всех было то, что институт работал, мы учились. Закончился 4-й и 5-й семестр (зима-весна 1943 года).

Летом 1943 года институту была предоставлена возможность забрать из Кисловодска оставленное там имущество института и личные вещи сотрудников и студентов института. Руководил этим профессор (?доцент?) Сачава (за орфографию не ручаюсь). От аспирантов была выделена Соня Розова, от студентов – я. Помню, что мы с Соней ехали (в Кисловодск и обратно) в товарном

вагоне. В Кисловодске мы ходили по указанным адресам, собирали вещи. Были закуплены (руководителем) какие-то продукты и большая емкость с растительным маслом. Вся эта поездка длилась, вероятно, месяц-полтора.

Новый 1943–1944 учебный год продолжался, но в отличие от прошлого года началась подготовка "специалистов" для восстановительных работ в Ленинграде: были созданы ремонтные бригады кровельщиков, сантехников.

После зимней сессии (6 семестр) и досрочной весенней (7 семестр) весной 1944 года группа студентов (вначале 15 человек, позже – 70) прибыла в Ленинград. Вначале все работали на подсобном хозяйстве в Красном Селе, зарывали окопы и траншеи на территории института, а потом приступили к своим новым обязанностям. Так, мы с группой студенток заделывали пробойны на крышах институтских зданий. Особенно мне запомнился день, когда мы работали на крыше бывшего общежития №3, а напротив нас на крыше работали профессор А.Л. Григорьев, доцент А.М. Докусов, доцент А.В. Десницкий.

К началу нового, 1944–1945 учебного года в Ленинград возвратился весь коллектив института.

Окончилась Великая Отечественная война.

9 мая 1945 года – праздничный митинг в институте.

В общежитиях – двери открыты. Люди в военной форме – моряки, солдаты, офицеры – сменяют друг друга.

Объятия, поцелуи, слезы... Сказать, что это было всеобщее ликование. – просто ничего не сказать. Ни услышав, ни увидев, только пережив все это, можно понять, какой это был всенародный "праздник со слезами на глазах".

Началась нормальная жизнь и работа всего коллектива института. Выпускной 4-й курс насчитывал что-то около 20–25 человек, из них только двое были набора 1940 года: Катя Коцекая и я (из 150 человек).

В сентябре 1945 года я поступила в аспирантуру на кафедре русского языка. Научным руководителем стала доктор филологических наук, профессор Н.П. Гринкова. В декабре 1948 года после защиты диссертации я была направлена в Смоленский педагогический институт (по месту работы мужа), в котором работала в течение 50 лет. Все эти годы не прекращалась моя связь с alma mater и моим научным руководителем, учителем и наставником Надеждой Павловной Гринковой.

А.И. ИВАНОВА

Оформление материала предоставлено Музеем истории РГПУ им. А.И. Герцена: стр.4–5: 1944 год. После снятия Блокады смывают надписи на улицах Ленинграда; А.И. Иванова и И. Подольский (учился на физико-математическом факультете). Фото перед уходом на фронт (сентябрь 1941г.). Стр.6–7: у станции Мшинская. Студенты литфака: А.А. Фельдшера, Р.И. Дисман, И. Нагель, Рояк, Т. Савенкова, В. Машкова, Р. Селезнева, Щербак, руководитель Ведерникова (Дар Л.И. Дисман). Стр.8–9: раненые осматривают выставку о сражениях на фронтах ВОВ; А.И. Иванова на вручении памятной медали «К 60-летию Победы» 13.04.2005 г. (дар Л.А. Балясниковой).